

DOI 10.15826/izv2.2023.25.4.073

УДК 81'373.232.2 + 81'373.231(470.1) +
+ 811.511.112'373.6**И. И. Муллонен***Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН
Петрозаводск, Россия*

КАРЕЛЬСКОЕ АНТРОПОНИМНОЕ НАСЛЕДИЕ В РУССКОМ ЗАОНЕЖЬЕ

В статье анализируются некалендарные карельские антропонимы, выявленные в архивных документах XVI–XVII вв. по Заонежскому полуострову и свидетельствующие о карельском наследии этой маркерной для культуры Русского Севера территории. Для анализа привлечены материалы писцовых книг, а также редко попадающие в поле зрения филологов делопроизводственные источники заонежского волостного самоуправления. Последние составлялись на местах с опорой на информацию местных жителей, поэтому в них чаще, чем в писцовых книгах, встречаются именованья, бытовавшие в народной среде. Среди них есть так называемые родовые патронимы и собственно прозвищные именованья. При этом они в соответствии с универсальной закономерностью, характерной для прозвищных именованний, отражают негативные характеристики человека: изъянны во внешнем облике и личностных характеристиках человека: леность, глупость, болтливость и др. В ходе анализа предложены многие новые этимологии карельских некалендарных антропонимов. Для этимологии широко привлекались данные современной карельской антропонимии.

Ценность этой антропонимии в том, что она существенно расширяет фрагментарные знания о традиционном карельском именослове, особенно бытовавшем за пределами карельского Приладожья. Далее, она вносит свой вклад в реконструкцию карельской страницы в истории Заонежья, поскольку содержит имена реально проживавших здесь карелов. Для истории карельского языка существенным оказывается то обстоятельство, что в ситуации почти полного отсутствия карельских памятников письменности XVI–XVII вв. этот материал содержит некоторые, пусть и смазанные русской адаптацией, особенности языка того времени. Предложены также некоторые структурные маркеры для выделения прибалтийско-финских по корням антропонимов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: историческая антропонимия; патронимы; прозвищные именованья; карельский язык; XVII век; Заонежье

Благодарности

Статья подготовлена в рамках выполнения госзадания КарНЦ РАН, тема № 121070700122-5 «Фундаментальные и прикладные аспекты исследования прибалтийско-финских языков Карелии и сопредельных областей».

Цитирование: Муллонен И. И. Карельское антропонимное наследие в русском Заонежье // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2023. Т. 25, № 4. С. 264–282. <https://doi.org/10.15826/izv2.2023.25.4.073>

Поступила в редакцию: 31.08.2023

Принята к печати: 24.10.2023

Irma I. Mullonen

Institute of Linguistics, Literature and History,

Karelian Research Centre of the RAS

Petrozavodsk, Russia

KARELIAN ANTHROPONYMIC HERITAGE IN RUSSIAN ZAONEZHYE

This article analyses non-calendar Karelian anthroponyms identified in archival documents from the sixteenth and seventeenth centuries on the Zaonezhye Peninsula and testifying to the Karelian heritage of this marker for the culture of the Russian North. The analysis draws upon materials of written books, as well as sources of Zaonezhye Volost self-government, which rarely come to the attention of philologists. The sources were compiled on the site with the support of information from residents, consequently, in them, more often than in written books, there are names that used to be found in the national environment. Among them, there are so-called family patronymics and nicknames. At the same time, in accordance with the universal pattern characteristic of nicknames, they reflect the negative characteristics of a person, i.e. laziness, silliness, talkativeness, etc. Many new etymologies of Karelian non-calendar anthroponyms are proposed in the analysis. For etymology, the author extensively uses data of modern Karelian anthroponyms.

The value of this anthroponymy is that it significantly expands the fragmentary knowledge of traditional Karelian nouns, especially existing outside Ladoga Karelia. Additionally, it contributes to the reconstruction of the Karelian page in the history of Zaonezhye, as it contains the names of the Karelians who lived there. For the history of the Karelian language, it is significant that in the situation of almost complete absence of Karelian writing dating back to the sixteenth and seventeenth centuries, this material contains some features of the language of that time, albeit blurred by Russian adaptation. Some structural markers for distinguishing Finnic anthroponyms by their roots are also proposed.

Key words: historical anthroponymy; patronymics; nicknames; Karelian language; 17th century; Zaonezhye

Acknowledgements

The study is a part of the state assignment carried out by the Karelian Research Centre of the RAS, topic 121070700122-5 “Fundamental and Applied Aspects of the Study of the Finnic Languages of Karelia and Adjacent Regions”.

For citation: Mullonen, I. I. (2023). Karel'skoe antroponimnoe nasledie v russkom Zaonezh'e [Karelian Anthroponymic Heritage in Russian Zaonezhye]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 25(4), 264–282. <https://doi.org/10.15826/izv2.2023.25.4.073>

Submitted: 31.08.2023

Accepted: 24.10.2023

Введение

Заонежье, или Заонежский полуостров, на северном побережье Онежского озера уникально в смысле историко-культурного наследия. Именно здесь была открыта в XIX в. русская былинная традиция. В Заонежье расположены уникальные памятники деревянного зодчества. Хорошо известно и археологическое наследие этой компактной территории. Считается, что русское население начало формироваться здесь еще в новгородское время, а прибалтийско-финское (вепсское и карельское) постепенно сошло на нет, оставив память о себе в языке и культуре этого региона. Подробный анализ участия вепско-карельского наследия в языке Заонежья, с обобщением результатов более ранних исследований, проведен С. А. Мызниковым [2003]. Анализ прибалтийско-финских пластов в заонежской топонимии, также включающий наработки предшественников, предложен в [Муллонен]. На фоне диалектной лексики и особенно топонимии, надежно свидетельствующих о прибалтийско-финском прошлом Заонежья, следы вепсского и карельского именника чрезвычайно редки в известных материалах писцового дела XVI–XVII вв. — наиболее доступных и часто привлекаемых для антропонимических исследований источниках. И это понятно: во-первых, карелы и вепсы, будучи православными, носили русские имена, которые, правда, нередко видоизменялись в соответствии с закономерностями фонетики или именослова прибалтийско-финских языков. Во-вторых, принятая в официальных документах двухчастная формула именования (личное имя и отчество) не включала патроним, который как раз нередко был нерусским. Об этом свидетельствуют те редкие случаи, когда он все же упоминается в документе. Собственно, именно родовые патронимы и составляют основной материал статьи.

Исследование выполнено на базе источников середины XVI — середины XVII в. Это писцовые книги XVI в. [ПКОП 1563], а также делопроизводственные источники заонежского волостного самоуправления и государственная документация Олонецкого уезда, составленная на местах с опорой на информацию местных жителей (XVII в.). Они включают материалы Олонецкой воеводской избы [ОВИ] и переписные книги солдат олонецких полков [ПКС]. В силу самой специфики этого материала в нем более часты родовые патронимы и прозвищные именования, бытовавшие в народной среде.

При этом в прибалтийско-финском ономастике Заонежья не удастся выявить маркирующих вепских признаков, в то время как некоторые карельские

метки просматриваются отчетливо (см. далее). Поэтому в статье мы оперируем термином «карельский» как наиболее адекватно характеризующим языковой и этнический состав прибалтийско-финского населения края XVI–XVII вв.

Традиция исследования исторической антропонимии Карелии заложена замечательной работой А. И. Попова, в которой обращено внимание на некоторые прибалтийско-финские по своим истокам антропонимы и посессивные топонимы, представленные в писцовых книгах XV–XVI вв. [Попов]. Наиболее существенные результаты в работе с исторической антропонимией письменных источников по территории Карелии представлены в работах И. А. Кюршуновой [Кюршунова, 2010; 2019; и др.]. В центре ее внимания — русская некалендарная антропонимия. Некоторые важные элементы древнекарельского именника реконструированы по материалам письменных источников территории Корельского уезда в Северном Приладожье и так называемых Лопских погостов в центральной и северной Карелии Д. В. Кузьминым [Кузьмин, 2020; Kuzmin]. Наиболее близка по целям исследования реконструкция прибалтийско-финского именника по материалам писцовых книг XV–XVII вв. по Юго-Восточному Обонежью, предпринятая А. И. Соболевым [2017]. В нашей статье с благодарностью использованы наработки коллег, особенно в вопросе семантической классификации именника. При этом наши результаты развивают, а где-то и опровергают их выводы. Кроме того, в статье подробнее, чем предшественниками, рассматриваются стратегии адаптации прибалтийско-финской антропонимии русскими источниками, что позволяет в результате выйти на некоторые наблюдения, перспективные для исторической фонетики карельского языка. Обращается внимание также на некоторые структурные маркеры, указывающие на прибалтийско-финский источник антропонима.

Сопоставительный современный карельский и в некоторых случаях вепсский антропонимический материал сосредоточен в Научной картотеке топонимов Карелии (далее КТК) в Институте языка, литературы и истории КарНЦ РАН. Привлечены также некоторые материалы по финской некалендарной антропонимии.

Адаптационные модели карельских антропонимов

Репрезентация заонежан традиционно представлена формулой календарное личное имя (как правило, в деминутивной форме) и отчество, также выраженное календарным именем. Двучленные именованья составляют основной костяк именослова. Трехчленные имена редки, но именно в них прежде всего выявляются антропонимы с прибалтийско-финскими истоками, потенциально свидетельствующие о карельском или вепсском происхождении рода. Такие трехчленные структуры делятся на два вида именованья, граница между которыми, видимо, достаточно условна. Первые оформлены как собственно прозвищные именованья, без посессивных формантов *-ев/-ов* или *-ин*. С точки зрения генезиса за ними могут стоять как прибалтийско-финские прозвищные

именования, так и патронимы. Ивашка Иванов *Гайдук* (Киж. пог.) [ПКС 1657] не имеет, конечно, никакого отношения к гайдукам — повстанцам-партизанам на Балканах и в Венгрии в эпоху турецкого владычества (термин XIX в.), в нем воспроизводится карел. *haitukka* ‘бездельник, лодырь’¹. Этимология поддерживается фамилией *Гайдуков* — ливв. *Haidukka, Haidukku* (Видлица Олон.) [КТК]². Прозвище *Мурза* в Дмитрийко Павлов сын *Мурза* (Шунг. пог.) [ОВИ 1662/1663] может в принципе восходить к историческому титулу феодальной знати в татарских государствах в XV в., особенно с учетом того, что в 1616 г. в Шунгском погосте упомянут «бобыль Мурза Онисимов» [ПК 1616] и в целом есть некоторое количество антропонимов тюркского происхождения. Однако, с другой стороны, карельская фамилия *Mursu* отмечается в документах православного прихода Салми в 1900 г.: Ларион Тихонов Мурсу [Patronen, s. 505]. Известный финский исследователь топонимии Карелии В. Ниссиля считает возможным связывать ее истоки с финским именованием морского животного *mursu* ‘морж’ [Nissilä, s. 133], что, однако, вряд ли уместно фактологически: обитающих в Ладоге ластоногих именуют карельским термином *n’orra* ‘нерпа’. Типологически антропоним может входить в ряд многочисленных именовании-прозвищ, характеризующих особенности личности, и восходить к карельской глагольной основе *muršistoa* ‘смотреть насупившись, озлобленно’, ср. *mursa* ‘угрюмый, имеющий угрожающий вид’ в финских говорах [SMS]. В целом таких прозвищных именовании в привлеченных материалах XVI–XVII вв. более десятка и они являют собой «строительный материал» для фамильных образований. В силу этого семантически они практически идентичны последним.

В свою очередь, суффиксальные образования используют посессивные суффиксы *-ев/-ов* или *-ин* с преобладанием первых. Это еще не фамилии в современном понимании термина. Скорее, следует говорить о патронимах, родовых именовании, сохраняющих межпоколенческую преемственность и попадающих периодически в официальные документы. При этом в них соблюдается принцип, который свойственен собственно русским образованиям, где *-ин* присоединяется к гласной основе на *-а/-я* (*Фома* — *Фомин*) или к основе, выраженной существительным женского рода, заканчивающейся на мягкий согласный (*Рысь* — *Рысин*), а *-ов/-ев* — к согласной или оканчивающейся на *j*, а также к гласной на *-о, -е* (*Петр* — *Петров*, *Гурий* — *Гуриев*, *Гурьев*, *Масло* — *Маслов*) [Унбегаун, с. 24–26]. Это правило оказывается в ряде случаев полезным для реконструкции облика исходного карельского антропонима. Так, видимо, формант *-ин* может рассматриваться как свидетельство конечного гласного *-а* (а не развившихся из него в людиковских карельских говорах *о, е* или его

¹ Здесь и далее значение карельских слов приводится по: [KKS]. Специальной отсылки на данный источник в каждом отдельном случае не делается.

² Здесь и далее данные по современной топонимии и антропонимии (фамилиям) Карелии приводятся со ссылкой на КТК — картотеку топонимов Карелии (хранится в ИЯЛИ КарНЦ РАН).

исчезновения), который является знаком собственно карельского звучания на фоне людиковского. Именование Кипр Иванов *Кярзин* из Фоймогубы [ПКОП 1563, с. 147] предполагает в основе карел. *kärzä* ‘рыло; некрасивое лицо’ (при люд. *kärz* или *kärze*); родовой патроним Гридки Олексеева *Нахкина* [ПКОП 1563, с. 149] из Кефтенгубы явно отсылает к карел. *nahka* ‘кожа’ (при люд. *nahke*, *nahk*). Мотив именования не вполне ясен.

Еще одна карельская фонетическая особенность стоит за оформлением суффиксами *-ov* и *-ev*, которые отсылают к двум разным стадиям в фонетическом развитии карельского деминутивного суффикса *-oi* > *-o*, нередко оформляющего антропоним, т. е. утрата дифтонгом второго компонента. Более ранний *-oi*, с конечным *j*, закономерно вызывал в русском бытовании вариант суффикса *-ev*, который по правилу образовывал фамилии от имен, оканчивающихся на мягкий согласный и *j*, входящий в состав последующего *e* и таким образом не выраженный на письме: Ондрейко *Таруев* — основатель дер. *Тароева* в Толвуде [ПКОП 1563, с. 140]: *Taroi* ← рус. *Дорофей*; Гридка *Вачуев* (Шунг. пог. 1496): *Vačoi* ← рус. *Василий* и др. Однако преобразование *-oi* > *-o*, прошедшее в собственно карельском наречии, приводило закономерно к тому, что в русском бытовании к основе, завершающейся гласным *-o*, присоединялся вариант суффикса *-ov*. Эту закономерность хорошо отражают отантропонимные названия относительно поздних по меркам Заонежья поселений. Примером могут служить отыменные ойконимы *Артово* и *Микково* — именованья двух поздних по времени появления починков в составе Космозера, в которых сохранились имена их основателей: карел. *Artto* (< *Artoi*) ← рус. *Артем*, карел. *Mikko* (< **Mikkoi*) ← рус. *Михаил*. Дер. Артово под названием починка *Артовы Нивы* появляется впервые в ревизии 1720 г. Дер. Миккова еще моложе. Первые упоминания о ней в ревизских сказках относятся к середине XIX в.

В этом же русле смены форманта интересна одна деталь: на рубеже XVII–XVIII вв. происходит знаковое преобразование в облике ойконимов. Деревня на Падмозере, именовавшаяся в XV–XVII вв. *Мустоевская*, *Мустуева*, превращается к началу XVIII в. в дер. *Мустовская* и затем *Мустова* [Витов, Власова, с. 32], т. е. место форманта *-oi* занимает суффикс *-o*. В основе широко известный традиционный прибалтийско-финский антропоним **Mustoi* > карел. **Musto*, из *musta* ‘черный’. Приблизительно в это же время деревни *Батоево* и *Онтуево* в Паяницах становятся *Батовой* и *Онтовой* [Витов, с. 266], а *Себуево* или *Сибоево* на Великой Губе *Сибовской* или *Сибовой* [Витов, Власова, с. 80]. В последнем названии воплотился редкий карельский народный вариант имени *Семен Sebi* < **Seboi* [Кузьмин, 2016, с. 80]. Эта метаморфоза просматривается преимущественно в северной части Заонежья. Что за ней стоит? Вообще утрата второго компонента сужающимися дифтонгами на *-i* считается относительно ранней общей прибалтийско-финской инновацией [Leskinen, s. 380–381], хотя некоторые языки, в частности вепские говоры и под их влиянием южные карельские наречия (ливвиковское и людиковское), сохранили архаичный дифтонг. В этом контексте варианты ойконимов с формантом *-o* на месте более ранних

вариантов на *-oi* могут быть следами внедрения в регион Заонежья, особенно северного, собственно карельских новопоселенцев, адаптировавших более ранние топонимы вепсского типа. Вывод может показаться слишком смелым, однако он вполне согласуется с общей этноисторической ситуацией в Заонежье XVII в. — с притоком переселенцев из бывшего Карельского уезда.

Еще одну особенность в фонетическом облике карельских антропонимов XVII–XVIII вв. отражают фамилии, этимоны которых завершаются на *-a*, но тем не менее оформляются посессивным суффиксом на *-ов/-ев*, а не *-ин*, как должно было бы быть по правилу. Их объединяет одна особенность — геминированный согласный в основе: *Принков* ← *prinkka* ‘тощий’, *Рипсаков* ← *ripsakka* ‘шустрый’, *Кочаков* ← *kočakka* ‘раздражительный, капризный, шепотливый’. Видимо, сильная позиция геминированного согласного вела к своего рода редукции конечного гласного, в итоге основа воспринималась как согласная. Косвенным образом об этом свидетельствуют прозвищные именованья XVII в., в основе которых лексемы с геминатой. Они не воспроизводят на письме конечную гласную исходной геминированной лексемы. Именно эту фонетическую закономерность отражает Ивашка Иванов *Гайдук* (см. выше). В одном ряду с ним Ивашко Данилов *Курик* (Киж. пог.) [ПКС 1657]: карел. *kurikka* ‘дубина, колотушка для колки дров’. Ряд дополняет название хутора *Ганжак* (Космозеро Великог.), восходящее к прозвищу: в восточных финских говорах *hantsukka* ‘безалаберный, суетливый, бездельник’ [SMS]. Собственно, здесь демонстрируется общий тренд с людиковскими говорами карельского языка, в которых в соответствующих случаях тоже наблюдается ослабление звучания: *kurikke* и даже *kurikk* ‘деревянный колун для колки дров’ [LMS, s. 173], *hańdžak* с первичной семантикой ‘дерево с раздвоенным стволом’ [LMS, s. 61], из которой выросла метафора, характеризующая человека безалаберного, ленивого, бестолкового [Муллонен с. 147]. Однако при этом, судя по материалам, антропонимы, восходящие к карельским трехсложным лексемам без геминат, не утратили еще в XVII в. конечных гласных: в Шунгском погосте бобыль Оска *Габанда* [ПКС 1657], в восточнофинских говорах *hapanto* ‘о чем-то прокисшем, гниющем’, перен. ‘о человеке’ [SMS], «на Артемья Данилова сына *Конойбру*» (Шунг. пог.) [ОВИ 1650], — очевидно, в именительном падеже **Конойбра* (?), Сенка Макарьев *Коппала* (Шунг. пог.) при современном люд. *koppal* ‘самка глухаря’ [LMS, s. 151]; метафорически ‘старый дряхлый человек’. Этого материала, конечно, недостаточно для установления хронологии редукции финальных гласных в людиковском языковом ареале, но все же он дает некоторый посыл для такого исследования. В ситуации, когда исторические карельские материалы минимальны, ономастические данные оказываются редким свидетельством, пусть и затушеванным русским посредством, карельских языковых особенностей трехвековой давности. Это особенно актуально для людиковского наречия, формирование которого происходило как раз на протяжении этих веков, причем на смежной с Заонежьем территории и даже, очевидно, захватывало западное Заонежье.

Карельские антропонимные маркеры

Карельский именник Заонежья «узнается», прежде всего, по прибалтийско-финским этимонам, лежащим в его основе. Кроме того, есть и некоторые характерные «метки» — финали, восходящие к прибалтийско-финским суффиксам и показателям. Наиболее часты и понятны случаи, когда посессивный суффикс *-ев* присоединяется к основе с финальным гласным *-у* или *-о*, реже *-е* или *-и*, типа *Симшоев*, *Прокуев*, *Хидоев*, *Бардуев* и др. В них высвечивается наследие прибалтийско-финского форманта *-oi* (и его фонетических вариантов *-ui*, *-ei*, *-ii*) > *-o* [Hakulinen, s. 144–145] с исходной деминутивной семантикой, т. е. карельские календарные *Simšoi* (Семен), *Prokoi* (Прокопий), некалендарные *Hiidoi* (*hiizi*, гласная основа *hiide* — ‘черт, леший’), *Bardoi* (*bard* ‘борода’) и др. Впрочем, в антропонимах она со временем затушеввалась, и формант стал восприниматься как типичный знак имени, оформлявший как календарные, так и некалендарные именованья.

Первушка Тимофиев *Тюхдиев* [ОВИ 1664] из Типиничкой волости: карельский оригинал имел, очевидно, вид **Tyhdii*, в котором деминутивный формант *-oi* преобразовался в *-ii*, присоединившись к палатализованной лексеме *tyhd'e*, *tyhd'*. Последняя отличается богатым семантическим спектром: из примарной семантики ‘пустой, порожний’ развился целый ряд вторичных значений, из которых применительно к антропонимическому бытованию наиболее уместны характеризующие человека ‘бедный (неимущий); немощный’.

Лучка Обросимов *Скобоева* в Кижской волости [ОВИ 1660]: кажется логичным возводить патроним к карел. *skobi* ‘шустрый, быстрый’ (например, применительно к хорошему работнику), соответственно оформленному «антропонимным» формантом *-oi* (*Skoboi*). Сама лексема имеет в карельских говорах весьма ограниченное бытование, а поиск ее этимологических истоков выводит на дескриптивный глагол *kopata* ‘о быстром движении, передвижении’. Характерная особенность дескриптивной карельской лексики — наращение *s* перед основой с инициальным *k*. Для примера: *keäpä* ~ *škeäpä* ‘нарост, кап на дереве’, *kammittša* ~ *skammittša* ‘связанные вместе два веника для бани’, *kutsistuo* ‘скукожиться, сжаться’ ~ *skutie* ‘уменьшиться’, *keäkä* ~ *skeäkä* ‘крючок для закрывания двери’ и др. Видимо, таковы истоки *s* и в патрониме *Скобоев*. Считается, что появление инициального *s* в подобных случаях спровоцировано русским влиянием [Tunkelo, s. 273].

Третий пример в этом ряду — это посессивный топоним, в «Типиницах же слово Грехновская *Мужуева*» [ПКОП 1563, с. 125]. В отличие от названий других входивших в куст поселений Типиницы деревень, этому повезло больше, поскольку все остальные одночленны (ср.: «в Типиницах слово Окуловская... Ермолинская... Еремеевская... Прохновская»). Здесь же запись сохранила патроним, который в следующих документах неоднократно видоизменялся, переосмыслившись в начале XVII в. в «мужа» («дер. в Типиницах у часовни Тумова мужа») [Витов, Власова, 1974, с. 82]. В основе позволительно восстанавливать

карел. *Mužoi* или более поздний вариант *Mužo*, восходящий, в свою очередь, к карел. *mužava*, *muževa*, *mužie* ‘темный, черноватый’, например, о лошади темной масти или о человеке с темной кожей, глазами, цветом волос и бороды. Последние являются производными от основы **musa* ‘черный’ [SSA, o. 2, s. 183], которая сейчас оказалась практически вытесненной в прибалтийско-финском мире историческим производным *musta* ‘черный’. Заонежский антропоним, таким образом, подтверждает бытование исторической лексемы (**musa* + *-oi*). Аналог — фамилия *Музиевы* — известна у карелов-людиков.

Свой ряд образуют заонежские родовые именованья, помеченные своеобразным антропонимным маркером *-kka*, восходящим соответственно к апеллятивному суффиксу *-kka*. Он образует производные от именных и глагольных основ и отличается многофункциональностью, которая, как предполагается, восходит к примарной деминутивной семантике [Hakulinen, s. 108–109]. Видимо, именно деминутивность он выражал первоначально и в антропонимах, а также их этимонах. Он нередок в календарном карельском именнике: *Vašukka* — Василий, *Simakka* — Семен, *Juvakka* — Иоанн, Иван, *On'n'ukka* — Андрей, *Vatakka* — Фадей и др. Возникает соблазн предполагать здесь влияние русских гипокоризмов типа *Васюк*, *Петрук*. Однако нельзя не учитывать, что они хорошо встраиваются в ряд прибалтийско-финских некалендарных имен с финальным *-kka*. О последних писал в свое время основоположник прибалтийско-финской антропонимики Форсман [Forsman, 1894, s. 181–185]. Их присутствие надежно прослеживается в современных карельских патронимах: *Mal'l'äkkä* — Малляков, *Kalikka* — Каликин, *Lillikka* — Лиликов, *Šupukka* — Чупуков, *Hač'ukka* — Гатиков, *Retukka* — Ретуков, *Torikka* — Торицин, а также не имеющие официальных русских соответствий *Tyrykkä*, *Puhakka*, *Kašmakka*, *Lopšakka*, *Karmakka* и многие десятки других.

Основная сложность состоит в разграничении собственно антропонимических образований, не имеющих подтвержденных апеллятивных соответствий, и производных апеллятивов с формантом *-kka* (и его производным *-kko*), перешедших в ранг прозвищ. Для примера: Ефимко Федотов *Кочаков* (Шунг. пог.) [ПКОП 1563, с. 150] принадлежал, видимо, карельскому роду **Kočakka* / *Кочакка*: карел. *kočakka* ‘раздражительный, капризный, шепотливый’ как суффиксальное производное глагола *kočahtoa* ‘вскочить, сделать резкое движение’, прошедшее определенный путь семантической деривации. Сам глагол производит впечатление русского заимствования (*вскочить*), недаром он бытует только в виде производного, оформленного моментативным суффиксом *-aht-*. По этой же причине глагол отсутствует в родственных языках. В современном ономастике Карелии фамилия не имеет заметного бытования, хотя известна в окрестностях г. Олонца в ливвиковском языковом ареале. Если этот пример демонстрирует переход суффиксального апеллятива в антропоним, то для следующего примера такого полного апеллятивного оригинала не обнаруживается: в дер. *Мечаковской* в Пахиничах (Киж. пог.) во второй половине XV в. было два дома, в которых проживали Васюк Иванов *Мечаков*, Иванко да Васюк Гавриловы дети *Мечаковы* [ПКОП 1563, с. 129]. Соответствующий исходный

апеллятив (**mečakka* или **mečakko*) неизвестен. Однако его производящая основа *mečča* широко бытует во всем карельском языковом ареале, причем не только в примарном значении ‘лес’, но и во вторичных мифологических значениях ‘леший, лесной дух, черт’, а также в эвфемизме ‘медведь’. Исходя из антропонимической типологии, наиболее резонным следует признать, видимо, семантический дериват ‘черт’ или ‘медведь’: они хорошо встраиваются в ряд подобных по значению антропонимных этимонов. Еще один возможный источник для патронима *Мечаков* — это карел. *meččo(i)* ‘глухарь’ — продуктивный карельский антропоним. Однако в любом случае, ни карельские говоры, ни родственные языки не сформировали от перечисленных основ производных с суффиксом *-kka*, так что **Mečakka*, **Mečakko* может являть собой пример сугубо антропонимного образования, в котором *-kka* присоединился не на апеллятивном уровне, а играет роль антропонимного показателя. Полной ясности здесь, впрочем, нет. Граница очень зыбка, ведь нет гарантий, что соответствующий суффиксальный этимон не утрачен языковой практикой, он мог просто не попасть в словари и картотеки.

Сходный случай, видимо, представляет и следующий пример: Якимко Яковлев *Лонаков* [ПКОП 1563, с. 153] в Фоймогубе (Шунг. пог.). Исходный этимон *lopakko* ‘болтун’ известен финским говорам, там же бытуют образные именованья *lopakkosuu* (*-suu* ‘рот’) ‘разговорчивый’, *lopakieli* (*-kieli* ‘язык’) ‘сплетник’, а также выражение *laskea lopakkaa* ‘говорить глупости’ [SMS]. По данным SSA, является отглагольным производным, глагольная основа с дескриптивными корнями известна всем прибалтийско-финским языкам: фин. *lopissa* ‘болтать, говорить глупости или непристойности’, вепс. *lobāt’a* ‘болтать’, вод. *lopissa* ‘говорить непристойности’, эст. *lobada* ‘болтать’, *loba* ‘болтовня’ [SSA, o. 2, s. 92].

Этимологические поиски обнаруживают глагольную основу и в карельском, где она, видимо, сохранила первоначальную дескриптивную семантику, послужившую основой для глагола говорения: карел. *lovissa* (: *lopisou*) ‘шелестеть, шуршать, колыхаться с легким шумом, трепыхаться’, однако не известна как глагол говорения. Имеющихся исходных данных явно недостаточно для однозначного вывода о генезисе форманта *-kka* в этом антропониме: является ли он патронимным формантом или все-таки закрепился еще на апеллятивном уровне. Однако как маркер, как знак карельского патронима он вполне зрим.

В этом же ряду Сенка Иванов *Ряпиков* [ОВИ 1664], Тимошка *Сорзаков* [ОВИ 1660] и нек. др. Многочисленность производных такого типа позволяет полагать, что по крайней мере некоторые из входящих в него именованья являются собственно онимическими, появившимися по аналогии с апеллятивами-прзвищами, оформленными деминутивным суффиксом *-kka*.

Наконец, третью группу образуют патронимы с конечным элементом *-ч-*, за которым стоит суффикс *-čča* ~ *-čči*, не имеющий общих прибалтийско-финских истоков. Он бытует в карельских и вепсских говорах и его функциональное поле не вполне исследовано. По-видимому, он вобрал частично функции деминутивного форманта *-kka*, используется также для выражения подобия

того, что названо производящей основой — как именной, так и глагольной. Совершенно очевидно, что он испытал на себе влияние русского суффикса *-ач*, образующего именованья деятелей от мотивирующих глаголов (*ткач*), а также лиц по признакам, названным мотивирующим существительным (*силач*) и прилагательным (*лохмач*) с праславянскими корнями [Варбот, с. 84]. Отмечена его продуктивность в людиновском именослове [Кузьмин, 2016, с. 71], т. е. в смежном с Заонежьем ареале.

В документах XVII в. неоднократно всплывает имя кузарандского дьяка Артемия *Каргачева* [ОВИ 1658, 1659] с родом которого, очевидно, связана дер. *Каргачево* в Кузаранде. В [ПКОП 1563, с. 167] отмечен Гаврилко Федоров *Каргач* в Челмужском погосте. Для антропонима предложена этимология, исходящая из заон. *карга*, *корга* ‘старуха’, вводящая его в круг славянских лексем [Кюршунова, 2010, с. 205]. Однако с учетом свойственного Заонежью прибалтийско-финского контекста вполне оправдано введение его в один ряд с древней фамилией *Karhatsu / Karhačču*, бытовавшей в карельском Приладожье [Nissilä, s. 284], в которой воплотилось соответствующее прозвище, ср. в восточных финских говорах, основанных на древнекарельском языке, *karhatsu*, *karhakka* ‘злой, сердитый, вспыльчивый человек’, *karhake* ‘о человеке с трудным характером, неуправляемом’ [SMS], *karhi* ‘упрямый’ [KMS, о. 2, s. 504] — все метафорические производные от прибалт.-фин. *karhe-* с семантикой ‘шершавый, грубый на ощупь’. Интерпретация поддерживается целым рядом антропонимов и посессивных ойконимов, среди которых род *Karhized*, дом *Karhol'a* (Реболы Муез.), родовой патроним *Karhačču* (Салми Питкяр.), хутор *Karhii* или *Karhia* (Кинелахта Олон.), дер. *Karhil* (рус. *Каргиничи*) у присвирских вепсов. Важно, что в их числе *Karhačču* — полная тезка заонежского патронима в карельском Приладожье.

Другой показательный пример — Микитка *Тукач* из Шунгского погоста [ПКОП 1563, с. 149], кроме того, известна деревня *Тукачевская* на Яндомозере в Кижском погосте [ПКОП 1563, с. 125]. Похоже, что в прозвище сохранилось не зафиксированное прибалтийско-финскими источниками производное **tukač(ču)* от карел., ливв. *tukku* ‘куча, груда’, люд. *tukk*, вепс. *tuk* ‘комоч, кусок’. При этом известно, что, к примеру, вепсская лексема используется в составе целого ряда сложных образований, которые помимо прямой семантики выступают метафорическими обозначениями человека: *põhu/tuk* ‘связка мятой соломы’ → ‘толстый неуклюжий человек’ [СВЯ, с. 455], *savi/tuk* ‘комоч глины’ → ‘увалень, неуклюжий человек’ [СВЯ, с. 501], *redu/tuk* ‘грязнуля’ (букв. ‘комоч грязи’) [СВЯ, с. 467], *turbas/tuk* ‘толстяк’ (букв. ‘ком дерна’) [СВЯ, с. 584] и даже *len'/tuk* ‘лентяй’ (букв. ‘ком лени’) [СВЯ, с. 284]. Иначе говоря, оно склонно к семантической деривации, при этом с образованием производных с отрицательной семантикой. Очевидно, таковым было и его несохранившееся производное **tukač(ču)*, на существование которого помимо заонежского свидетельства XVI в. указывает собственно-карельская фамилия *Tukačču* — *Тукачев* (Сельги Медв.), а также территориально более близкое *Тукачев* (Кодостров Конд.).

Кроме того, его реальное бытование подтверждается и русскими говорами Обонежья, в которых широко засвидетельствована диалектная лексема *тукач* ‘вязанка, охапка (сена, соломы, веников)’, для которого известна семантическая деривация *тюкач* ‘о полном, толстом человеке’ [РДЭС, с. 804; см. также: Кюршунова, 2010, с. 546–547].

Замечательный пример заонежского антропонима XVII в. — именование крестьянина Кижского погоста Великогубского конца Ивашка Федоров Меншей *Перпачев* [ОВИ 1659], в котором сочетаются элементы календарного и некалендарного, а также русского и прибалтийско-финского именослова. Последний представлен в родовом патрониме *Перпачев*, в котором скрыта память о карельском роде в Заонежье. В основе патронима карел. *pärpäččy* ‘болтун, пустомеля, трепло’ — как производное, образованное с помощью суффикса *-ččy* от глагола *pärpätteä* ‘болтать, трепать языком’.

Среди заонежских антропонимных примеров с «меткой» *-čči* как прозвища типа Иванко Микифоров *Телкач* или Михейко *Пыхач*, так и патронимы, оформленные посессивным суффиксом *-ов*: Клишко Степанов *Гемячов*, Степанко Юрьев *Рохкачов*, Огафанко Матфеев *Ергачов*, Фофанко *Поскочев* (должно быть *Паскачев*) и др. Как и в случае с моделью *-kka*, провести четкую границу между собственно онимическими структурами и апеллятивами, перешедшими в разряд онимов, оформленных суффиксом *-čči*, не удастся. Для подавляющего большинства обнаруживается апеллятивный суффиксальный этимон, так что закономерно предполагать его и в том случае, когда современные языки и говоры его утратили. Но в любом случае представленные здесь три группы некалендарных ойконимов выделяются специфическими маркерами — как на уровне собственно антропонимов, так и на основе их апеллятивных этимонов.

Семантическая характеристика антропонимных основ

Реконструкция карельских антропонимов XVII в. предполагает учет нескольких опорных моментов: семантическая характеристика, наличие соответствующей антропонимной основы в прибалтийско-финском именослове, языковые параметры. Репертуар карельских антропонимов XVI–XVII вв., реконструирующихся на базе делопроизводственных источников, при всей фрагментарности материала вполне укладывается в общий прибалтийско-финский номинативный контекст и отражает универсальные для антропонимии процессы. Составляющие его номинации формируются на основе негативных мотивов именования: изъяны во внешнем облике, а также в плане социальных характеристик личности. В этом заонежские номинации не уникальны. Такие стереотипные негативные характеристики личности являются ономастическими универсалиями и составляют костяк некалендарного именослова разных языков и народов. В основе лежит принцип «антинормы»: не укладывающиеся в норму характеристики обращают на себя внимание и становятся основанием для номинации. Такие именования рождаются, как правило, не в семье, а в более широком сообществе.

В качестве мотивировочного признака выступают физические особенности человека:

Данилка Сидоров *Шембин* (Киж. пог.) [ОВИ 1661]: фин. *sompa, somma*, карел. *šompa, šomba* ‘кольцо лыжной палки’, ливв. *šombu* ‘кольцо, к которому прикреплялось грузило’. В финских говорах зафиксировано его метафорическое использование: *somma* ‘ребенок, ребяшня’ [SSA, о. 3, s. 198], судя по которому в семантическом поле актуализированы компоненты ‘круглый и маленький’ с возможной семантикой ‘человек плотного телосложения и небольшого роста’. Фамилия *Šombu* / *Шомбин* известна у карелов-ливвиков в Сямозерье, там же дер. *Шомба* [КТК].

Июдка *Принков* (Киж. пог.) [ОВИ 1651]: карел. *prinkka* ‘о человеке: тощий и высокий’. Фамилия *Принков* бытовала в XX в. по крайней мере в Янишполе (Конд.) [КТК].

Федка Ермолин *Пелтин* (Киж. пог.) [ОВИ 1659]: ср. карел. *pöltynä* ‘толстяк, объевшийся, обжора’ как образование с суффиксом *-nä/-na*, свойственным именованиям человека, от глагола *pöltšisteä* ‘пухнуть, толстеть’.

В Ондрюшка *Лекиш* (д. Кургеницы Киж. пог.) [ОВИ 1660] интерпретация внутренней формы именования неоднозначна: карел. *lökšy* ‘толстяк’ при *lökšeä* ‘брести медленно, лениво’, *lökšätä* ‘делать неспешно, расслабленно’. При этом в восточных финских говорах известно производное *löksänä* ‘неумеха, бестолковый, неряха’ [SMS]. Толстый — ленивый — бестолковый — такой повторяющийся набор сем носит универсальный характер, свойственный, очевидно, многим языкам [Леонтьева, с. 50, 253]. Фамилия *Löksy* (Petter Wasiljeff *Loykschy*) известна по документам конца XIX в. в Салминском приходе [Patronen, s. 414].

Агафонка Васильев *Рекиш* (Киж. пог.) [ОВИ 1662]: *rökšä* ‘о человеке: большой, громоздкий, медлительный’. В словаре финских фамилий фамилия *Röksä*, которая фиксировалась в документах по территории Карельского перешейка и финской провинции Северная Карелия в XVII–XVIII вв., ошибочно возводится к ландшафтному термину *röksä* ‘низина между горами; бурелом; грязное труднопроходимое место’ [Sukunimet, s. 523]. Такая интерпретация не укладывается в общую типологию карельских родовых именований, для которых чужда номинация по географическим реалиям.

Гришка Алимбиев *Чубарин* (Киж. пог.) [ПКС 1657]: *čubero* ‘маленький, крошечный’. Фамилия *Čubari* (Федор Никифоров Чубари) бытовала в начале XX в. в Салминском приходе в карельском Приладожье [Patronen, s. 490]. Для антропонима *Чубар* предлагается также русская этимология: др.-рус. *чубар*, диал. *чубарый* ‘пестрый, пятнистый (о масти лошади)’ с тюркскими корнями [Кюршунова, 2010, с. 591], однако с учетом бытования его в карельской среде и карельского контекста Заонежья XVII в., предложенная прибалтийско-финская интерпретация представляется вполне реальной.

Списки содержат несколько антропонимов, этимоны которых имеют семантику ‘ленивый’. Кроме отмеченной выше номинации *Гайдук* в список входит Иван Васильев сын *Мелтяков* (Шунг. пог.) [ОВИ 1650], в основе допустимо

реконструировать **meltäkk(ä)* — производное от глагола *meltovu* ‘разлентиться, расслабиться’, Фочка Иванов *Куталов* (Киж. пог.) [ПКС 1657]: карел. *kutaleh* ‘бездельник, слоняющийся без дела, лентяй’. Видимо, в этом же ряду Ивашка Остафьев *Шлямин* (Киж. пог.) [ОВИ 1659, 1660], ср. карел. *šläimy* ‘вялый, ослабленный, лентяй, бездельник’. Фамилия *Шлямин* и дер. *Шлямино* известны в Андоме (устные данные А. И. Соболева).

В следующий смысловой блок входят именованья, объединяемые семантикой ‘глупый’:

Степашка *Пеллеев* [ОВИ 1652/1653]: карел. *pöllö* ‘бестолковый; не умеющий себя вести’. В одном ряду род *Pölläkäizet* — рус. *Пелякин*, зафиксированный в документах XVI в. по Кемской волости (данные Д. В. Кузьмина), Кирилка Микитин сын *Пеллюй* в Лубосалме и, возможно, Игнатко Федоров сын *Пелвиев* в Селецком погосте [ДКЛП 1597, с. 191].

Ивашка Иванов сын *Гайгурев* (Киж. пог.) [ОВИ 1664]. В говорах Беломорской Карелии слово *haikara* значит ‘ум, разум, понимание’, однако используется только при выражении недостатка или отсутствия ума: *vähä on peäššä haikaroa* ‘мало в голове ума’, *läksi haikaraltah* букв. ‘вышел из ума’. В восточных финских говорах им именуют рассеянного, забывчивого, глупого, что в общем контексте прозвищных именованний дает основание полагать негативную семантику и у карельского антропонима.

Список номинаций глупых продолжает Ивашко Данилов *Курик* (Киж. пог.) [ПКС 1657]: карел. *kurikka* ‘дубина, колотушка для колки дров’ имеет также метафорическую семантику ‘башка; большая и пустая голова’, которая была активно востребована в прибалтийско-финской антропонимии как прозвище недалекого человека. По данным КТК, фамилия *Куриков* широко известна карельскому именованью и зафиксирована у людиков (Лычный Остров Конд.), ливвиков (Крошноезеро Пряж.), в виде «уличной» *Kurikka* бытует в собственно карельской среде (Реболы Муез., Семчозеро Медв.) и др. Антропоним использовался также в традиционном вепсском антропонимиконе, оставив свои следы в ойконимах — названиях поселений на современной и исторической вепсской территории (*Курикиничи*, *Курикина Гора*, *Курикова* и др.).

Аналогичную семантическую деривацию допустимо реконструировать и в Ивашко *Чивур* (Киж. пог.) [ОВИ 1664]: карел. *čiuvoi* ‘головастик’ приобретает вторичное значение ‘большая, но пустая голова’ → ‘пустоголовый’.

Сема ‘глупый’ воплотилась в Самсонко Федотов *Тув* (Киж. пог.) [ПКС 1657]: *tuiju* или *tuiju* ‘чудак’ [КТК], ср. его использование в коллективных прозвищах: *Tuuksen tujut* ‘туксинские глупцы’ применительно к жителям д. Туксы Олонецкого района или *Tollon tujut* — о жителях дер. Толлорека в окрестностях Вокнаволока.

Отрицательная внутренняя форма свойственна и другим лексемам с прибалтийско-финскими корнями, закрепившимся в роли патронимов в Заонежье. Среди них Григорий Кондратов *Рипсаков* (Шунг. пог.) [ОВИ 1651]: *ripsakka* ‘лихой, неумный’; Сенка Иванов *Ряпиков* (Типиницы Киж. пог.) [ОВИ 1664]: в основе реконструируется закономерное отглагольное производное **räpäkkä*

(при зафиксированных в KKS *räpätti*, *räpäčču*) ‘болтун’ от глагола *räpetteä* ‘говорить много и быстро’. Однокоренная фамилия *Ряппиев* (ливв. *Räppi*) бытует в современной антропонимии Олонецкого района (с. Большая Сельга). В Мосейко *Чаков* и Гришка *Пуйлин* [ПКС 1657] патронимы номинируют скандалистов, склочных людей: карельские глаголы *čakata* и *puilie* значат ‘ругаться, браниться, ссориться’. При этом первая антропонимная основа хорошо известна в карельском именослове в виде *Чаккоев* (ливв. *Čuakku*) и *Чаккиев* (карел. *Čakka* и *Čakki*). В свою очередь, в Кустратко *Илгин* [ПКС 1657] отразилось карельское прилагательное *ilgie* ‘бессовестный’, а в Михалко *Реболев* — карел. *repaleh* ‘оборванец’.

Список может быть продолжен. При этом, как и в приведенных в тексте примерах, это разного рода негативные характеристики, подтверждающие прозвищную природу карельских патронимов.

Выводы

Выявленные фрагменты прибалтийско-финского некалендарного именослова свидетельствуют о карельской странице в истории Заонежского полуострова XVI–XVII вв. и отражают процесс массового продвижения в это время карельских переселенцев с территории Карельского уезда. Они существенно дополняют список реликтовых прибалтийско-финских антропонимов, известных по топонимическому наследию Заонежья [Муллонен]. При том, что часть именных основ свойственна и вепсскому именослову, их отличают некоторые дифференцирующие карельские языковые признаки (геминация, сохранение конечного гласного, аналоги в современной карельской антропонимии), позволяющие отдавать предпочтение карельским истокам имен и их носителей. В ходе становления системы официальных фамилий в XIX–XX вв. карельские родовые патронимы были в основном утрачены. Часть из них сохранилась в названиях заонежских поселений. Показательно, что абсолютно все антропонимы, которые удалось расшифровать, относятся к разряду прозвищных с негативной семантикой. Их очень трудно представить в роли так называемых охранных имен, каковая функция им иногда приписывается исследователями. Механизм их появления сугубо прозвищный.

Выявлено, что значительное число патронимических именований восходит к суффиксальным апеллятивным этимонам, оформленным суффиксами с деминутивной семантикой (*-oi* > *-o*, *-kka*, *-čču*). Видимо, последние стали восприниматься и как антропонимные форманты. Во всяком случае для ряда онимов с названными формантами не обнаружено апеллятивных соответствий. Впрочем, причина может быть и другой — утрата исходных суффиксальных апеллятивов говорами. Однако в любом случае перечисленные форманты являются убедительными метками, знаками прибалтийско-финских антропонимов.

Написание карельских патронимов позволило реконструировать некоторые особенности карельского языка пятисотлетней давности: сохранение

исходного *a* в завершении двусложных основ и некоторые признаки его редукции в трехсложных словах, особенно в позиции после геминаты. Материал доказывает также, что на рубеже XVII–XVIII вв. в северной части Заонежья происходит утрата дифтонгом *-oi* конечного *-i*. В распоряжении исследователей практически нет письменных источников о карельском языке XVII в., поэтому антропонимы, даже в условиях русского языкового посредства, исключительно ценны как источник истории языка.

Сокращения

В названиях административно-территориальных единиц

Великог.	Великогубский район Республики Карелия	Олон.	Олонецкий район Республики Карелия
Киж. пог.	Кижский погост Олонецкой губернии	Питкяр.	Питкярантский район Республики Карелия
Конд.	Кондопожский район Республики Карелия	Пряж.	Пряжинский район Республики Карелия
Медв.	Медвежьегорский район Республики Карелия	Шунг. пог.	Шунгский погост Олонецкой губернии
Муез.	Муезерский район Республики Карелия		

В названиях языков и диалектов

вепс.	вепсский язык	люд.	людиковское наречие карельского языка
вод.	водский язык		
заон.	заонежские говоры русского языка	приб.-фин.	прибалтийско-финский язык
карел.	собственно карельский язык	рус.	русский язык
ливв.	ливвиковское наречие карельского языка	фин.	финский язык
		эст.	эстонский язык

Прочие

диал.	диалектный
-------	------------

Источники

ДКЛП 1597 — Дозорная книга Лопских погостов 1597 г. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Петрозаводск ; Йоенсуу, 1987. С. 186–233.

КТК — Научная картотека топонимов Карелии. Хранится в ИЯЛИ КарНЦ РАН

ОВИ — Научный архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 98 : Олонецкая воеводская изба. Картоны 1–5.

ПК 1616 — *Чернякова И. А., Суслова Е. Д.* История Карелии XVI–XVII вв. в документах. IV : Писцовые книги Заонежских погостов 1616–1619 гг. : [в 2 ч.]. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2019. Ч. I : Церковное и поместное землевладение. URL: <http://carelica.petrsgu.ru/mediateka/home/sources/3.html> (дата обращения: 15.05.2023).

ПКОП 1563 — Писцовая книга Обонежской пятины 1563 г. // Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. : Материалы по истории Карельской АССР / под общ. ред. М. Н. Покровского. Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1930. (Материалы по истории народов СССР ; вып. 1). С. 57–254.

ПКС — Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 137. Боярские и городовые книги. Оп. 1. Олонец. Д. 5. Переписные книги солдат и драгун олонецких полков «нового строя» Ивана Дивова 1657 года. 1130 л. [9 книг].

РДЭС — Мызников С. А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М. ; СПб. : Нестор-История, 2019.

СВЯ — Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь венского языка. Л. : Наука, 1972.

KKS — Karjalan kielen sanakirja. 1–6 / toim. P. Virtaranta, R. Koponen, M. Torikka, L. Joki. Helsinki : SUS, 1968–2005. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae ; XVI).

KMS — *Nirvi R. E.* Kiihtelysvaaran murteen sanakirja. I–XIII. Lappeenranta, s. a.

LMS — *Lyydiläismurteiden sanakirja / ainekset keränneet K. Donner, J. Kalima, L. Kettunen, J. Kujola, H. Ojansuu, E. Pakarinen, Y. H. Toivonen & E. A. Tunkelo ; toim. ja julk. J. Kujola.* Helsinki : SUS, 1944. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae ; IX).

SMS — Suomen murteiden sanakirja (Kotimaisten kielten keskuksen verkkojulkaisuja 30). 2011–2021. URL: <http://kaino.kotus.fi/sms/> (date of access: 10.08.2023). Картотека хранится в Центре национальных языков Финляндии / Kotimaisten kielten keskus (Хельсинки).

Sukunimet — *Mikkonen P., Paikkala S.* Sukunimet. Keuruu : Otava, 1992.

Исследования

Варбот Ж. Ж. Древнерусское именное словообразование: ретроспективная формальная характеристика. М. : Наука, 1969.

Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII веков. Из истории сельских поселений. М. : Наука, 1962.

Витов М. В., Власова И. В. География сельского расселения Западного Поморья в XVI–XVIII веках. М. : Наука, 1974.

Кузьмин Д. В. Христианские имена карелов // Вопросы ономастики. 2016. Т. 13, № 2. С. 56–86. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2016.13.2.018

Кузьмин Д. В. К реконструкции древнекарельского именника // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17, № 2. С. 9–35. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2020.17.2.016

Кюришнова И. А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозвищ Северо-Западной Руси XV–XVII вв. СПб. : Дмитрий Буланин, 2010.

Кюришнова И. А. Личное имя как антропонимическая презентация человека в документах Карелии XV–XVII веков // Научный диалог. 2019. № 9. С. 103–129. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-9-103-129>

Леонтьева Т. В. Интеллект человека в русской языковой картине мира. Екатеринбург : Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2008.

Муллонен И. И. Топонимия Заонежья. Словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2008.

Мызников С. А. Русские говоры Обонежья: ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб. : Наука, 2003.

Потов А. И. Материалы по топонимике Карелии // Советское финно-угроведение / под ред. Д. В. Бубриха, П. Н. Перевощикова. Петрозаводск : Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1949. С. 48–66.

Соболев А. И. Антропонимы прибалтийско-финского происхождения в писцовых книгах Юго-Восточного Обонежья XV–XVI вв. // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14, № 1. С. 7–34. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2017.14.1.001

Унбегаун Б.-О. Русские фамилии. М. : Прогресс, 1989.

Forsman A. V. Tutkimuksia Suomen kansan persoonallisen nimistön alalla. I. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1894.

Hakulinen L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. 3. korjattu ja lisätty painos. Helsinki : Otava, 1968.

Kuzmin D. Old Karelian personal names // The Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics. 2022. No. 3. P. 247–273.

Leskinen H. Karjala ja karjalaiset kielentutkimuksen näkökulmasta // Karjala: Historia, kansa, kulttuuri / toim. P. Nevalainen, H. Sihvo. Helsinki : SKS, 1998. S. 352–382.

Nissilä V. Suomen Karjalan nimisto. Joensuu : Vammalan Kirjapaino Oy, 1975.

Patronen O. Rajakarjalaisen sukunimistön kehittyminen osana Suomen karjalankielisen ortodoksivähemmistön suomalaistumista 1818–1925. Helsinki : Helsingin yliopisto, 2017.

SSA – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–3 / toim. E. Itkonen, U.-M. Kulonen. Helsinki : Kotimaisten kielten tutkimuskeskus – Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992–2000.

Tunkelo E. A. Vepsän kielen äännehistoria. Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 1946. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia ; 228).

References

Forsman, A. V. (1984). *Tutkimuksia Suomen kansan persoonallisen nimistön alalla. I*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.

Hakulinen, L. (1968). *Suomen kielen rakenne ja kehitys* (3rd rev. and enlarged ed.). Helsinki: Otava.

Itkonen, E., & Kulonen, U.-M. (Eds.). (1992–2000). *Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja* (Vols. 1–3). Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.

Kuzmin, D. V. (2016). Khristianskie imena karelov [Christian Names of Karelians]. *Voprosy onomastiki*, 13(2), 56–86. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2016.13.2.018

Kuzmin, D. V. (2020). K rekonstruktsii drevnekarel'skogo imennika [On the Reconstruction of the Ancient Karelian Anthroponymicon]. *Voprosy onomastiki*, 17(2), 9–35. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2020.17.2.016

Kuzmin, D. (2022). Old Karelian Personal Names. *The Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics*, 3, 247–273.

Kyurshunova, I. A. (2010). *Slovar' nekalendarnykh lichnykh imen, prozvizhch i famil'nykh prozvanij Severo-Zapadnoj Rusi XV–XVII vv.* [Dictionary of Non-Calendar Personal Names, Nicknames and Family Nicknames of Northwestern Rus' in the 15th–17th Centuries]. St Petersburg: Dmitry Bulanin.

Kyurshunova, I. A. (2019). Lichnoe imia kak antroponimicheskaia prezentatsiia cheloveka v dokumentakh Karelii XV–XVII vekov [Personal Name as Anthroponymic Presentation of a Person in Karelian Documents of the 15th–17th Centuries]. *Nauchnyi dialog*, 9, 103–129. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-9-103-129>

Leontyeva, T. V. (2008). *Intellekt cheloveka v russkoj iazykovoj kartine mira* [Human Intelligence in the Russian Language Picture of the World]. Ekaterinburg: Russian State Professional Pedagogical University.

Leskinen, H. (1998). Karjala ja karjalaiset kielentutkimuksen näkökulmasta. In P. Nevalainen, & H. Sihvo (Eds.), *Karjala: Historia, kansa, kulttuuri* (pp. 352–382). Helsinki: SKS.

Mullonen, I. I. (2008). *Toponimiia Zaonezh'ia. Slovar' s istoriko-kul'turnymi kommentariiami* [Toponymy of Zaonezhie. Dictionary with Historical and Cultural Comments]. Petrozavodsk: KarRC RAS.

Myznikov, S. A. (2003). *Russkie govory Obonezh'ia: areal'no-etimologicheskoe issledovanie leksiki pribaltiisko-finskogo proiskhozhdeniia* [Russian Dialects of Obonezhie: An Areal-Etymological Study of Vocabulary of Finnic Origin]. St Petersburg: Nauka.

- Nissilä, V. (1975). *Suomen Karjalan nimistö*. Joensuu: Vammalan Kirjapaino Oy.
- Patronen, O. (2017). *Rajakarjalaisen sukunimistön kehittyminen osana Suomen karjalankielisen ortodoksisvähemmistön suomalaistumista 1818–1925*. Helsinki: University of Helsinki.
- Popov, A. I. (1949). Materialy po toponimike Karelii [Materials on the Toponymy of Karelia]. In D. V. Bubrikh, & P. N. Perevoshchikov (Eds.), *Sovetskoe finno-ugrovedenie* [Soviet Finno-Ugric Studies] (pp. 48–66). Petrozavodsk: Gos. izd-vo Karelo-Finsk. SSR.
- Sobolev, A. I. (2017). Antroponimy pribaltijsko-finskogo proiskhozhdeniia v pistsovykh knigakh Yugo-Vostochnogo Obonezh'ia XV–XVI vv. [Anthroponyms of Finnic Origin in the 15th–16th Centuries Cadastres of the Southeastern Lake Onega Region]. *Voprosy onomastiki*, 14(1), 7–34. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2017.14.1.001
- Tunkelo, E. A. (1946). *Vepsän kielen äännehistoria*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Unbegaun, B.-O. (1989). *Russkie familii* [Russian Surnames]. Moscow: Progress.
- Varbot, Zh. Zh. (1969). *Drevnerusskoe imennoe slovoobrazovanie: retrospektivnaia formal'naia kharakteristika* [Old Russian Nominal Word Derivation]. Moscow: Nauka.
- Vitov, M. V. (1962). *Istoriko-geograficheskie ocherki Zaonezh'ia XVI–XVII vekov. Iz istorii sel'skikh poselenij* [Historical and Geographical Sketches of Zaonezhie of the 16th–17th Centuries. From the History of Rural Settlements]. Moscow: Nauka.
- Vitov, M. V., & Vlasova, I. V. (1974). *Geografiia sel'skogo rasseleniia Zapadnogo Pomoria v XVI–XVIII vekakh* [Geography of the Rural Settlement of Western Pomor Coast in 16th–18th Centuries]. Moscow: Nauka.

Муллонен Ирма Ивановна

доктор филологических наук,
член-корреспондент РАН, профессор,
главный научный сотрудник
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН
185910, Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11
E-mail: irma.mullonen@hotmail.com

Mullonen, Irma Ivanovna

Dr. Hab. (Philology), Corresponding Member
of the Russian Academy of Sciences, Professor,
Chief Research Fellow
Institute of Linguistics, Literature and
History, Karelian Research Centre of the RAS
11, Pushkinskaya St.,
185910 Petrozavodsk, Russia
Email: irma.mullonen@hotmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-5279-4880>
Scopus AuthorID: 57190248714